История советской семьи 1930-х гг в исследованиях Ш. Фицпатрик

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ МЕНЬКОВСКИЙ

Кафедра истории России Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Семью можно рассматривать как сферу частной жизни, отделенность которой от сферы общественной жизни представляет главную ценность в глазах ее членов. Возможен также взгляд на семью как на важнейший институт, который существующие власти должны всячески поддерживать. Многие граждане Советского Союза, по оценке Ш. Фицпатрик, придерживались именно такого взгляда.[1]

Войдя в англо-американскую академическую среду в 1970-е годы, Шейла Фицпатрик сразу оказалась в центре внимания, поскольку ее работы о сталинизме открывали новые перспективы изучения этого феномена. На рубеже 1960–1970-х гг. западная советология претерпела серьезные внутренние изменения. Отвержение тоталитарной модели было стартовой точкой для исторического ревизионизма, ставшего реакцией части молодых ученых США на доминирование исследователей старшего поколения, принадлежащих, с их точки зрения, к политизированной «научной школе холодной войны».

Американский историк А. Рабинович отмечал в интервью автору данной статьи, что ревизионистская теория была создана поколением, на которое влияли интерес к социальной истории, вьетнамская война, возможность работы в Советском Союзе. «Когда появились первые ревизионистские работы, нам стало ясно, что мы не знаем советской истории. История, написанная в Советском Союзе, и советская история, написанная во время «холодной войны» в Соединенных Штатах – это извращение реальности» [2].

Ревизионистский подход предполагал использование методов и концепций, заимствованных из других дисциплин и был основан на методологии, признававшей наличие внутренних закономерностей развития советского общества. Ревизионистская историография не была монолитной, острые споры об уникальности советской системы, возможности ее сравнения с «обычными» западными политическими структурами шли в течение десятилетий и продолжаются до сегодняшнего дня.

Особенно остро дискутировался вопрос о применении «нетоталитарных» моделей по отношении к сталинскому периоду советской истории. В 1970-е гг. многие молодые ученые, занявшиеся советскими проблемами, были или хотели быть социальными историками. Частично это отражало текущие тенденции исторической профессии в целом. Но это также подразумевало убеждение, что движущими силами советского исторического развития были не только политика и идеология, как утверждала тоталитарная школа. Ревизионисты хотели акцентировать внимание на социальных силах и процессах. Ш. Фицпатрик писала,

---

[1] *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2002. С. 173–174.

[2] *Рабинович, А.* Меня считали буржуазным фальсификатором // Беларускі гістарычны часопіс. 1998? № 4. С. 29.

что советология наполнилась более глубоким содержанием в 1970-е гг., когда новая когорта социальных историков бросила вызов гегемонии политологов, хотя и была готова все еще ставить «старые советологические вопросы о политической системе» [3].

Отметим, что Ш. Фицпатрик с иронией относилась к вопросу о первенстве среди «ревизионистов». «Я немного знала об американской советологии до приезда в США в начале 1970-х гг.» (Ш. Фицпатрик родилась и получила образование в Австралии, а диссертацию готовила и защищала в Великобритании. Она получила B.A. в 1961 г. в университете Мельбурна, а Ph.D. в 1969 г. в Оксфордском университете). «Одним из первых американских советологов, с которыми я познакомилась, был С. Коэн. От него я и узнала о том, что среди советологов были ревизионисты и что я – одна из них» [4].

В послевоенные годы круг используемых западной советологией источников был чрезвычайно ограничен. Кроме архива Троцкого и смоленского архива, это были опубликованные работы, в первую очередь выступления советских руководителей, резолюции и решения высших органов КПСС, нереалистичная официальная статистика, идеологизированные научные публикации, советские и эмигрантские мемуары и московская пресса. Подчеркнем, что даже официальная провинциальная пресса была практически недоступна на Западе. Н. Барон определял западную методологию работы с такими источниками как «идеографическую», то есть основанную на догадках, предположениях, расшифровке символов [5]. А. Улам, указывал, что изучение сталинизма представляет сложность для исследователя как в моральном, так и в техническом отношении. Он сравнивал работу ученых, стремящихся разгадать «интригующие исторические головоломки этого периода» с действиями Пуаро, героя детективных романов А. Кристи [6].

Англо-американские исследователи должны были применять методы, которые принципиально отличались от используемых при изучении открытых западных политических систем. Подобная ситуация была характерна для советологии в течение длительного периода времени. Ш. Фицпатрик вспоминала историю, связанную с написанием статьи «Влияние террора на советскую элиту (на примере изучения московских и ленинградских телефонных справочников 1930-х гг.)». Первый вариант статьи, представленный в виде доклада Русскому исследовательскому центру Гарвардского университета в 1978 г., был встречен критически. Возможно, главным образом, по политическим причинам, поскольку Гарвард в то время был недружественен по отношению к советологам-ревизионистам. (С. Коткин называл Русский исследовательский центр Гарварда «академическим эпицентром «холодной войны») [7]. Но частично неприятие было связано и с методологическими замечаниями, которые Ш. Фицпатрик восприняла серьезно и решила изменить некоторые аспекты исследования. В ходе нескольких визитов в Советский Союз она обращалась в московскую библиотеку им. Ленина с запросом выдать телефонные справочники Москвы и Ленинграда за 1937 и 1939 гг.,

---

[3] *Fitzpatrick, S.* New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. Pp. 357–373.
[4] Idem. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, N.Y, 1992, P. xii.
[5] *Baron, N.* History, Politics and Political Culture: Thoughts on the Role of Historiography in Contemporary Russia // Cromohs. 2000. № 5.
[6] *Ulam, A.* The State of Soviet Studies: Some Critical Reflections // Survey. 1964. № 50. Pp. 53–61.
[7] *Kotkin, S.* Kremlinologist as Hero // New Republic Online. http://www.thenewrepublic. com /110600/kotkin110600.html (2000, 11 June).

которыми она пользовалась ранее. Ей было отказано. В течение нескольких лет она повторяла запросы, но до 1985 г. неизменно получала отказы [8].

Ш. Фицпатрик не дискутировала специально с тоталитарной моделью, однако ее работы в значительной степени способствовали изменению направления «детоталитаризации» с послесталинского периода советской истории на время «сталинской революции» [9]. Она в первую очередь исследовала влияние сталинской политики на те группы советского общества, которые извлекали пользу из преобразований. В предисловии к сборнику «Культурная революция в России, 1928–1931» Ш. Фицпатрик писала, что авторы не стремятся в очередной раз рассматривать вопросы партийного вторжения в сферу культуры – традиционную тему предыдущих западных исследований. Их интересовали аспекты связанные с выдвижением рабочих, их вхождением в ряды интеллигенции, заинтересованностью в успешной реализации сталинских планов [10]. Таким образом отвергалась одна из важнейших посылок тоталитарной концепции – полная пассивность общества.

Ш. Фицпатрик, расширяли поле советологических исследований и заставляли отказываться от упрощенного понимания сталинизма. Во многих случаях сталинская политика приносила пользу отдельным социальным группам, сталинизм имел определенную социальную поддержку. Задача исследователей заключается именно в том чтобы понять природу этой поддержки, так же как и природу сопротивления сталинскому режиму.

А. Брумберг считал, что академическая советология в Соединенных Штатах началась после второй мировой войны с изучения советского общества. На основании материалов Гарвардского проекта интервью советских беженцев было подготовлено несколько исследований показывавших как функционирует советская система и какое влияние она оказывает на повседневную жизнь советских людей. Но по мере становления дисциплины фокус постепенно перемещался с социальных вопросов на политические. «Большой заслугой Ш. Фицпатрик являлось то, что ее работы вновь возвращали внимание исследователей к жизни советского общества» [11].

Наиболее пристальное внимание вызвали подходы Ш. Фицпатрик к таким принципиальным проблемам, как социальная стратификация советского общества 1930-х гг., последствия высокой социальной мобильности и соотношение инициативы «сверху» и «снизу». Она подчеркивала, что социальные историки не могут удовлетвориться взглядом на общество как на единое целое и тезисом о противостоянии единого общества единому государству.

Ш. Фицпатрик настаивала, что общество нельзя анализировать в статичных терминах. Феномен высокой социальной мобильности только частично объяснялся специфической политикой режима. В большей степени это был неизбежный результат быстрой индустриализации Советского Союза, создавшей новые рабочие места для «белых и синих воротничков». Определяющей тенденцией мобильности в сталинский период было движение «вверх», в отличие от движения «вниз»

---

[8] Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge; New York, 1993. P. 248.

[9] *Fitzpatrick, S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, Eng.; New York, 1979; Idem. Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1937 // Slavic Review. 1979. Vol. 38. Pp. 377–402; Idem. Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978.

[10] *Fitzpatrick, S.*. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. P. 4.

[11] *Brumberg, A.* Review «Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times, Soviet Russia in the 1930s» by Sheila Fitzpatrick // The Nation. 1999. Vol. 269. Is. 6. P. 33.

привилегированных классов после революции и драматичных эпизодов чистки элиты в 1930-е гг. [12]. Именно тезис о первостепенной значимости массового движения вверх по сравнению с воздействием террора на общество являлся принципиально важным для «новой когорты» ревизионистов.

Тщательного рассмотрения заслуживало также положение низших слоев общества. Это направление изучения социальной иерархии ставило не менее сложные вопросы. Историки должны были искать ответы на вопросы о принципах стратификации, отношениях между различными слоями, способах улучшения советскими гражданами своего социального и материального положения и защиты от различных потрясений.

Обосновывая необходимость пересмотра многих сложившихся в западной советологии взглядов, Ш. Фицпатрик настаивала на перенесении внимания историков сталинизма «вниз», на изучение локальной истории. Социальные историки в целом склонны предпочитать взгляд «снизу» – изнутри общества или даже с позиций широких масс – правительственной или элитной точке зрения «сверху».

В 1990-е годы ситуация в сфере изучения советской истории значительно изменилась. Доступнее стали архивы, было установлено сотрудничество западных ученых с исследователями из стран бывшего СССР, опубликовано значительное количество новаторских научных работ, среди которых необходимо отметить книги Ш. Фицпатрик «Повседневный сталинизм: обычная жизнь в экстремальное время. Советский Союз в 1930-е гг.», «Сталинизм. Новые направления», «Сталинское крестьянство: Сопротивление и спасение в русской деревне после коллективизации» [13].

«Начало 1930-х гг. – время великих потрясений и сдвигов в советском обществе. Неудивительно поэтому, что семья тоже испытала потрясения, не меньшие, чем во время гражданской войны» [14] - пишет Ш. Фицпатрик.

Анализируя положение крестьянской семьи 1930-х гг., автор отмечает, падение нравов в деревне. Крестьянская община была уже не в состоянии применять суровые санкции за добрачные и внебрачные связи. Демографические и политические причины привели к оттоку из сельской местности молодежи, преимущественно мужчин. Согласно переписи 1937 г. количество женщин в колхозах почти в два раза превосходило количество мужчин (18 млн женщин на 10 млн мужчин) [15]. Многие женщины оказывались в неопределенном положении. Уход мужа в город (на стройку, промышленное предприятие) оставлял женщину в формально замужнем статусе. Муж мог вернуться в деревню, а мог и остаться в городе. Официально женщины в такой ситуации оставались неразведенными, а фактически – не замужем. Само понятие было неопределенным. По переписи 1937

---

[12] *Fitzpatrick, S.* New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 365.

[13] *Fitzpatrick, S..* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York, 1994; *Fitzpatrick, S..* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York, 1999; *Fitzpatrick, S..* Stalinism: New Directions. London and New York, 2000. Поскольку в настоящее время часть работ уже издана на русском языке, мы будем приводить цитаты по русскоязычным изданиям *Фицпатрик, Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2002.

[14] *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2002. С. 169.

[15] Цит. по *Фицпатрик, Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 244.

г. заявили, что в настоящий момент состоят в браке, на полтора миллиона больше женщин, чем мужчин [16].

Демографические изменения затронули и состав семей. Если в конце 1920-х гг. средняя крестьянская семья состояла из 5 человек, то в конце 1930-х гг. ее размеры колебались от 3,9 до 4,4 человек. Это означало, что нуклеарная семья заменила прежнюю большую семью. В 1940 г. уже не было существенной разницы между рождаемостью в деревне (32 новорожденных на 1000 человек) и в городе (31 новорожденный на 1000 человек). [17]

Публикации последних лет могут служить ответом на многие вопросы истории советской повседневности. Изучение социальной истории сталинской России оказалось не просто возможным, но и необходимым. Сегодня ответ на этот вопрос представляется очевидным для большинства исследователей. Однако взгляды на социальную историю, понимание того, что она включает в себя, как соотносится с другими направлениями исторической науки, остаются предметом серьезного спора.

В конце XX в. широкое распространение в США получила «новая социальная история», сторонники которой настаивали на коренном изменение соотношения между социальной историей и историей интеллектуальной, ментальной. Они считали, что история общества и образующих его больших и малых групп не может изучаться в отрыве от истории систем ценностей, форм социального поведения, символов и ритуалов.

Новая работа Ш. Фицпатрик «Сорвать маски!» [18] безусловно займет свое достойное место в контексте дискуссий вокруг нового направления исторических исследований. В историографической части «Введения» Ш. Фицпатрик подтверждает свою приверженность школе социальной истории, но объектом исследования называет культурную историю советского общества. Ее цель – показать собственное понимание социокультурных процессов сталинского периода, обратив основное внимание на идентификацию и самоидентификацию советского человека в «классовом обществе». Авторская идея базируется на признании чрезвычайной важности классовой стратификации для повседневной жизни советских людей. Она скептически относится к сталинской интерпретации марксистской теории классов, но серьезно – к «классовой классификации» граждан, проводимой государством. Если попытаться кратко выразить основную идею книги, то ее можно сформулировать следующим образом. Темой исследования является не вопрос о существовании или несуществовании классов в их советском понимании, а зависимость жизни человека от того к какому классу (существующему или несуществующему) его приписало государство.

Ш. Фицпатрик предлагает читателю серию исторических очерков, написанных в 1990–2000-е гг., опубликованных в различных периодических научных изданиях, дополненных оригинальными введением и заключением, и впервые структурированных как единое издание. В результате читатель получил качественный оригинальный продукт.

Раздел книги «Жизни» составили работы «Жизнь под огнем», «Два лица

---

[16] *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2002. С. 173.

[17] *Фицпатрик, Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 247–248.

[18] *Fitzpatrick, S.* Tear off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-century Russia. Princeton University Press, 2005.

Анастасии», «История крестьянина, борющегося за справедливость», «Женские жизни». Все они объединяются одной темой – влиянием государственной политики на частную жизнь. В главе «Женские жизни», анализируя дневники и автобиографии советских женщин, Ш. Фицпатрик отмечает бинарную схему их построения – «старая жизнь» и «новая жизнь». Причем рубежом старого и нового часто является время коллективизации. Отличительной особенностью автобиографий советских женщин 1930-х гг. стало то, как много внимания в них занимают общественные, а не частные сюжеты. Чаще всего женщины воспринимают себя как жертв времени и обстоятельств, при этом оставаясь сильными личностями [19].

Переход советского государства на официальную позицию защиты семьи и материнства, запрещение абортов, затруднение процедуры развода, установление льгот для многодетных матерей преследовали цель повышения рождаемости и увеличения численности населения.

При всех сложностях и трудностях повседневной жизни в советском обществе сохранилась устойчивость семьи. Люди продолжали вступать в брак. Цифра заключенных браков оставалась очень высокой: в 1937 г. 91 % всех мужчин в возрасте от 30 до 39 лет и 82 % женщин заявляли, что состоят в браке [20]. Неустойчивые и опасные условия жизни в 1930-е гг. даже сделали семью крепче, т.к. ее члены чувствовали потребность сплотиться в целях самосохранения. Согласно опросу по Гарвардскому проекту [21] большинство советских респондентов заявили, что семья стала крепче. Среди сельских жителей положительный ответ дали 45 %, среди городских – 58 %. «Мы могли говорить свободно только в семье. В трудные времена мы сблизились» [22].

Исследования Шейлы Фицпатрик углубили наше понимания сталинизма и, вместе с тем, подтвердили, что поле деятельности исследователей остается огромным.

Summary

History of the soviet family in the 1930´s in S. Fitzpatrick´s works

The study methods of the Soviet history in S. Fitzpatrick’s works are examined. The author analyzes the dynamics of new models use which are connected with the attraction of methodology of social and humanitarian sciences and comparative methods of research.

[19] Ibid. P. 151, 125.
[20] *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2002. С. 170.
[21] См. подробнее *Кодин, Е.В.* «Гарвардский проект». М.: РОССПЭН, 2003.
[22] Цит. по *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2002. С. 170.